
ТЕОРИЯ

И. А. ГОБОЗОВ

ФИЛОСОФИЯ И ШИЗОФРЕНИЯ

I

Напомню, что термин «шизофрения» был «предложен Блейером для обозначения группы психозов, единство которой обнаружил Кренелин, предложивший термин «раннее слабоумие» и разграничивший три разновидности шизофрении, ставшие затем общепринятыми: геберения, кататония и паранойя...

С клинической точки зрения шизофрения разветвляется на несколько несходных друг с другом форм, которым обычно приписываются следующие признаки: несогласованность мыслей, поступков и аффектов (так называемое рассогласование, распадение, расщепление), отстранение от реальности и замкнутость в себе, уход во внутреннюю жизнь, связанную с порождением фантазмов (аутизм), бессистемное бредообразование. Болезнь носит хронический характер и всегда имеет свою динамику, развивается в сторону “ухудшения” интеллектуального и эмоционального состояния, нередко приводящего к ма-разму...»¹

Таким образом, шизофрения представляет собой психическую болезнь. В зависимости от ее формы проявления наблюдаются бред, галлюцинации, возбуждение, обездвиженность, искажается восприятие объективного мира. Человек неадекватно реагирует на происходящие в мире события, процессы и изменения. Он себя оценивает неадекватно – как правило, у него завышенная самооценка – и страдает нарциссизмом.

II

К. Юнг ввел в психологию два понятия, имеющих, на мой взгляд, важное методологическое значение для выявления «шизо-

¹ Лапланш, Ж., Понталис, Ж.-Б. Словарь по психоанализу. – М., 1996. – С. 576.

френической философии». Речь идет о понятиях «экстраверт» и «интроверт». Анализируя типы установок, К. Юнг пишет, что у экстравертных и интровертных типов разное отношение к внешнему объекту. «У интровертного это отношение абстрагирующее – в сущности, он постоянно заботится о том, как бы отвлечь либидо от объекта, как если бы ему потребовалось оградить себя от чрезмерной власти объекта. Экстравертный, напротив, относится к объекту положительно. Он утверждает его значение постольку, поскольку постоянно ориентирует свою субъективную установку на объект и вводит ее в отношение к нему»².

У экстравертных типов сознание направлено вовне, то есть на внешний объект. «Если человек мыслит, чувствует и действует, одним словом, живет так, как это *непосредственно* соответствует объективным условиям и их требованиям как в хорошем, так и в дурном смысле, то он экстравертен. Он живет так, что объект в качестве детерминирующей величины, очевидно, играет в его сознании более важную роль, нежели его субъективное воззрение»³. Он живет и действует в соответствии с объективными условиями. Он прекрасно понимает, что внешний мир для него выступает в качестве детерминирующего фактора его деятельности. Короче говоря, экстравертный тип признает объективный характер существования внешнего мира. Выражаясь философски, можно сказать, что экстравертный тип человека относится к материалистам.

К. Юнг утверждает, что у экстравертов мышление имеет позитивный, то есть конструктивный характер. Экстраверт собирает новые факты, обобщает их и приходит к определенным выводам. Он всегда исходит из реалий жизни и свои действия и поступки корректирует в соответствии с этими реалиями. Отсюда творческий характер его мышления.

В отличие от экстравертного мышления интровертное мышление ориентируется в первую очередь на субъективный фактор. Этот фактор представлен по крайней мере субъективным чувством направленности, которое в конечном счете определяет суждения... Из конкретного опыта оно не возвращается к объективным вещам, а ведет к субъективному содержанию. Внешние факты не являются

² Юнг, К. Г. Психологические типы. – Минск, 2003. – С. 351.

³ Там же. – С. 355.

причиной и целью этого мышления (хотя интроверт очень часто хотел бы придать своему мышлению такой вид); это мышление начинается в субъекте и к нему возвращается, даже если делает обширные экскурсы в область реальных фактов»⁴. Оно направлено вовнутрь. Человек с интровертным мышлением развивает субъективные идеи, ничего общего не имеющие с внешним миром. Он занимается чистым теоретизированием, создает одну теорию за другой. Его интересуют только идеи. Его совершенно не волнует то, что эти идеи не отражают природную и социальную действительность. В конце концов, пишет К. Юнг, мышление интровертного человека становится мистическим и бесплодным.

К. Юнг пишет, что Дарвин является носителем экстравертного мышления, а Кант – интровертного мышления. «Как Дарвина можно считать представителем нормального экстравертного мыслительного типа, так Канта, например, можно было бы охарактеризовать как противоположный нормальный интровертный мыслительный тип. Первый говорит фактами, второй ссылается на субъективный фактор. Дарвин стремится на широкое поле объективной фактической действительности, Кант, напротив, ограничивает свою область критикой познания вообще»⁵. По мнению К. Юнга, Кювье тоже относится к представителям экстравертного типа мышления, а Ницше – к представителям интровертного типа мышления.

На примере живописи Пикассо К. Юнг рассматривает «интровертное» искусство. Он пишет: «Уже почти двадцать лет я изучаю психологию разного выражения душевных процессов и поэтому рассматриваю картины Пикассо как профессионал. На основании своего опыта я могу заверить читателя, что психологическая проблематика, выраженная в картинах Пикассо, аналогична той, что я встречал у своих пациентов»⁶.

Искусство таких художников, как Пикассо, К. Юнг называет непредметным искусством. «Непредметное искусство, – отмечает К. Юнг, – свое содержание получает в основном из “внутренней глубины”. Это “внутреннее” не может соответствовать сознанию, **так как сознание содержит в себе отражение очевидных для**

⁴ Юнг, К. Г. Психологические типы. – С. 407.

⁵ Там же. – С. 410.

⁶ Он же. Феномен духа в искусстве и науке. – М., 1992. – С. 195.

всех вещей, которые в силу необходимости должны выглядеть в соответствии с обычно ожидаемым (выделено мной. – И. Г.). Но предметность Пикассо выглядит совсем иначе, отлично от общепринятых представлений, и настолько, что не может быть никаких иллюзий насчет ее несоответственности с повседневным опытом... Те элементы картин, которые не находят соответствия во внешнем мире, должны возникать из “внутренней глубины”⁷.

К. Юнг считает, что надо различать две группы пациентов: неврастеники и шизофреники. «Первая группа создает картины синтетического характера, пронизанные сильным и цельным чувством... Вторая группа, напротив, создает картины, показывающие, что их авторам чужды эмоции. В художественной форме этих картин преобладает настроение *разорванности*, распада, выражающееся в ломаных линиях, и это свидетельствует о психической раздвоенности творца. Картины оставляют зрителя холодным или производят на него пугающее впечатление из-за парадоксальной, захватывающей дух и гротескной бесцеремонности. Пикассо принадлежит к этому психическому типу»⁸.

По утверждению К. Юнга, в творчестве шизофреников нет ничего привлекательного для зрителя. Зритель должен спрашивать, что хотел выразить художник-шизофреник, поскольку шизофреническая, или «интровертная», картина не связана с сознанием. На ней могут быть изображены, скажем, животные, которые не встречаются в реальной жизни. Так называемое абстрактное искусство есть не что иное, как шизофреническое искусство.

III

Эти рассуждения К. Юнга полностью применимы и к философии. В силу своей специфики философия легко подвержена шизофрениии. Ведь она не есть специальность, в отличие, скажем, от наук. Так, историческая наука или социология немислимы без специальных знаний. А философия может фантазировать о чем угодно. Но особенно легко подвержена шизофреническому бреду та философия, которая полностью абстрагируется от социальной и

⁷ Юнг, К. Г. Феномен духа в искусстве и науке. – С. 195.

⁸ Там же. – С. 196.

природной действительности и не опирается на научные данные. Это интровертная философия. Ее представители уходят внутрь себя и не интересуются внешней средой.

IV

Напомню⁹, что термин «философия» буквально означает «любовь к мудрости». В античную эпоху, когда возникла цивилизация, когда совершился переход от собирательского хозяйства к производящему, от первобытного общества к классовому, когда было создано определенное общественное богатство, дававшее одной части населения возможность не заниматься непосредственно производством материальных благ, когда духовная деятельность приобрела относительную автономию, стали рефлексировать над собственным бытием и бытием окружающей социальной и природной действительности. Это рефлексирование носило стихийный характер. Но оно базировалось на жизненном опыте.

V

Однако рефлексирование античных мыслителей ничего общего не имеет с мифологическим сознанием. В мифе человек не противопоставляет себя окружающему миру. В мифологическом сознании не возникают субъектно-объектные отношения. В мифе человек идет от одного незнания к другому.

Платон считал, что философия начинается с изумления. А философом он называл каждого человека, стремящегося узнать что-то новое. Подлинными же философами, по убеждению Платона, являются те, кто любит искать истину. Философ познает не какие-либо мнения, а бытие и истину.

Изумление свидетельствует о том, что общество достигло такого уровня в своем развитии, когда стала абсолютно необходимой выработка общих понятий (категорий), с помощью которых можно было бы вести рассуждения о собственном бытии человека и о бытии окружающего объективного мира. Платоновская философия – это размышления о человеке, о государстве, о воспитании, об искусстве и т. д. и т. п.

⁹ Более подробно см.: Гобозов, И. А. Что происходит с философией? // Философия и общество. – 2007. – № 2. – С. 5–18.

Мысли Платона о начале философии были поддержаны его учеником Аристотелем. Он утверждал, что «удивление побуждает людей философствовать, причем вначале они удивлялись тому, что непосредственно вызывало недоумение, а затем, мало-помалу продвигаясь таким образом далее, они задавались вопросом о более значительном, например о смене положения Луны, Солнца и звезд, а также о происхождении Вселенной»¹⁰. Люди философствовали не ради какой-нибудь пользы, а ради понимания, ради того, чтобы избавиться от незнания.

Поскольку философия, писал Аристотель, есть любовь к мудрости, следует выяснить значение самого понятия мудрости. Во-первых, продолжает Стагирит, мудрый, насколько возможно, знает все. Во-вторых, мудрый познает то, что трудно постижимо для человека. В-третьих, мудрым является тот, кто в любой науке более точен и более способен к раскрытию причин. В-четвертых, та наука является более мудрой, которая служит познанию, а не та, из которой извлекают пользу. В-пятых, та наука мудра, которая главенствует над остальными.

Как и Платон, Аристотель стремление к истине считал высшим философским принципом. Он философию называл знанием об истине, исследование которой, по его мнению, и трудно, и в то же время легко.

«Это видно из того, что никто не в состоянии достичь ее надлежащим образом, но и не терпит полную неудачу, а каждый говорит что-то о природе и поодиночке, правда, ничего или мало добавляет к истине, но, когда все это складывается, получается заметная величина»¹¹. Сложность исследования истины также заключается в том, что можно овладеть целым, но оказаться не в состоянии постичь часть.

Главную трудность установления истины Аристотель связывает с незнанием причины вещей. «А из вещей тем или иным свойством в наибольшей степени обладает та, благодаря которой такое же свойство присуще и другим; например, огонь наиболее тепел, потому что он и для других вещей причина тепла. Так что и наибо-

¹⁰ Аристотель. Соч.: в 4 т. – Т. I. – М., 1976. – С. 69.

¹¹ Там же. – С. 94.

лее истинно то, что для последующего есть причина его истинности»¹².

Философия выступала в роли универсальной науки. Сами античные философы были универсалами. Философия представляла собой всеобщий способ разрешения сложнейших проблем. Но вместе с тем она включала в себя математику, физику и другие науки. Кстати сказать, представление о философии как науке наук сохранилось вплоть до Нового времени, когда уже нашли самостоятельный путь многие науки. Вот, например, что писал Декарт: «...Вся философия подобна дереву, корни которого – метафизика, ствол – физика, а ветви, исходящие от этого ствола, – все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике и этике»¹³.

Но постепенно науки отпочковываются от философии и получают, так сказать, автономию. Тем не менее еще в XIX в. многие философы в своих философских системах не обходили вопросы чисто научного характера. Достаточно вспомнить философскую систему Гегеля, охватывающую не только гуманитарные, но и естественные дисциплины.

Однако необходимо заметить, что зрелые науки уже не нуждались в «философской опеке». Иначе говоря, натурфилософии пришел конец. И, как писал Энгельс, «попытка воскресить ее не только была бы излишней, а *была бы шагом назад*»¹⁴.

Таким образом, в античной философии появляется противопоставление «Я» остальному миру. Другими словами, возникают субъектно-объектные отношения. Это величайшее завоевание человеческой мысли. Отсюда основной вопрос философии. Это дало возможность возникновению наук, основной целью которых является установление истины, открытие законов природы и общества, выяснение имманентной логики развития объективного мира.

VI

До тех пор, пока философия опирается на частные науки, она не может превратиться в абстрактные схоластические рассуждения. Но когда она начинает игнорировать эти науки и объективную ре-

¹² Там же. – С. 95.

¹³ Декарт. Соч. – Т. 1. – М., 1989. – С. 309.

¹⁴ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 21. – С. 305.

альность, то превращается в философию для философии. Она уже отказывается от классических когнитивных форм познания и уходит, так сказать, в себя. Она становится интровертной. Научные аргументы заменяются общими философскими рассуждениями. Философия оказывается в облаках и вовсе не собирается спуститься на землю. Поиски истины уже никого не интересуют. Каждый философ превращается в оракула и игнорирует мнения остальных философов. Ярким примером выступает философия Ницше. «Так говорил Заратустра», например, представляет собой своего рода библию, а не философское произведение. И в других работах Ницше не утруждает себя приводить какие-либо аргументы в защиту своих рассуждений. Вот пример бездоказательного рассуждения: «Человечество *не* представляет собою развития к лучшему, или к сильнейшему, или к высшему, как в это до сих пор верят. “Прогресс” есть лишь современная идея, иначе говоря, фальшивая идея. Теперешний европеец по своей ценности глубоко ниже европейца эпохи Возрождения, поступательное развитие решительно *не* представляет собою какой-либо необходимости повышения, усиления»¹⁵.

Характерная черта шизофренических философских текстов – неупорядоченность и бессистемность мышления. За красивыми фразами скрывается бессмыслица и бред. В отечественной философии в шизофренических работах наблюдается каскад иностранных слов, шокирующих читателя. Старшее поколение в них ничего не понимает и начинает страдать комплексом неполноценности. А молодое поколение, неискушенное в философском поле деятельности, зачитывается этими «философскими шедеврами». Оно все воспринимает на веру. Причем чем больше бессмыслицы в философском трактате, тем трактат ему кажется интереснее. Оно даже не хочет думать о том, что зря тратит свое драгоценное время на чтение бессмысленных текстов.

Шизофреническая философия как интровертная философия ничего общего не имеет с реальной жизнью. В социальной философии, например, по определению, нужно заниматься исследованием общества. Это предполагает изучение людей, классов, власти, анализ реальных процессов, деятельности человека, создающего мате-

¹⁵ Ницше, Ф. Соч.: в 2 т. – Т. 2. – М., 1990. – С. 634.

риальные и духовные ценности. Вместо этого используется набор непонятных иностранных слов, фраз и рассуждений обо всем и ни о чем. **Начинается бред. Любовь к мудрости заменяется любовью к мудрствованию.** Иначе говоря, совершается переход от философии к **шизофрении**. Шизофренические тексты существуют вне контекста времени. Их можно воспроизводить бесконечное количество раз. В них нет прогресса мысли, потому что нет мыслей. Их практически невозможно подвергать какому-либо критическому анализу, потому что против них нельзя использовать научные аргументы.

VII

Шизофренические философские тексты, как правило, иррациональны. Ницше, например, терпеть не мог рационализм. Н. К. Михайловский писал, что Ницше «претит все, в чем он усматривает преобладание “разумности”»¹⁶. Вот что пишет Ницше о своем соотечественнике и великом рационалисте Гегеле: «Я думаю, что в истории немецкой образованности за последнее столетие мы не найдем ни одного опасного колебания или уклонения, которое не стало еще опаснее благодаря громадному и продолжающемуся до настоящей минуты влиянию этой философии, именно гегелевской. Поистине парализует и удручает вера в то, что ты последыш времен, но ужасной и разрушительной представляется эта вера, когда в один прекрасный день она путем дерзкого поворота мыслей начинает обоготворять этого последыша как истинную цель и смысл всего предшествовавшего развития, а в ученом убожестве его видит завершение всемирной истории. Такой способ мышления приучил немцев говорить о “мировом процессе” и оправдывать свою эпоху как необходимый результат всемирного процесса; эта точка зрения поставила историю на место других духовных сил, искусства и религии, как единственную верховную силу, поскольку она является “реализующим самое себя понятием”, “диалектикой духа народов” и “мировым судом”»¹⁷.

Но Ницше не ограничился критикой своего великого соотечественника. Он разнес, если можно так выразиться, в пух и прах все прежние философские теории и течения. Причем Ницше не прибе-

¹⁶ Михайловский, Н. К. Литературная критика и воспоминания. – М., 1995. – С. 390.

¹⁷ Ницше, Ф. Указ. соч. – Т. 1. – С. 209–210.

гает ни к каким научным аргументам. Он вообще не признает науку как систему идей и теорий, научные категории как инструменты познания. Он изрекает, а не доказывает. Он обвиняет всех философов в том, что они лишены исторического чувства. «...Многие из них принимают даже самоновейшую форму человека, возникшую под влиянием определенных религий, иногда просто под влиянием определенных политических событий, за прочную форму, из которой следует исходить. Они не хотят усвоить того, что человек есть продукт развития, что и его познавательная способность есть продукт развития, тогда как некоторые из них хотят даже вывести весь мир из этой познавательной способности»¹⁸. Казалось бы, правильно Ницше рассуждает. Действительно, без учета принципа историзма нельзя анализировать социальную и природную действительность. Принцип историзма – важнейший принцип диалектики. Но ведь Ницше категорически отвергает диалектику.

Ницше утверждал, что любая философия есть исповедь своего сочинителя, а не стремление к истине. Он категорически отрицает тезис античных философов о том, что философию породило влечение к познанию или удивление. Он не признает никакого мученичества философов, принесших себя в жертву во имя истины. От него очень сильно достается Джордано Бруно и Спинозе: «Эти изгнанники общества, эти долго преследуемые, злобно травимые, – также отшельники по принуждению, эти Спинозы или Джордано Бруно – становятся всегда в конце концов рафинированными мстителями и отравителями, хотя бы и под прикрытием духовного маскарада и, может быть, бессознательно для самих себя (доройтесь-ка хоть раз до dna этики и теологии Спинозы!), – нечего и говорить о бестолковости морального негодования, которое у всякого философа всегда служит безошибочным признаком того, что его покинул философский юмор. Мученичество философа, его “принесение себя в жертву истине” обнаруживает то, что было в нем скрыто агитаторского и актерского...»¹⁹ Ницше, как уже отмечалось, декларирует, а не доказывает. Физически больной Ницше изрекает интеллектуально больные мысли. Но они были подхвачены его многочисленными последователями и комментаторами.

¹⁸ Ницше, Ф. Указ. соч. – Т. 1. – С. 240.

¹⁹ Он же. – Т. 2. – С. 261.

Ницше похоронил философию в том смысле, что он отказался от классических философских традиций, от рационализма, от доказательности философских тезисов. Его смело можно назвать духовным отцом **постмодернистской** философии.

VIII

Многие представители постмодернизма были шизофрениками. Делёз, например, был шизофреником. Вот пример из книги Делёза «Различие и повторение»: «Мысль, рождающаяся в мышлении, акт мышления, зарождающийся в генитальности не как врожденная данность и не как предполагаемое в припоминании – это мышление без образа»²⁰. Известные критики постмодернизма А. Сокал и Ж. Брикмон приводят интересные пассажи из работ постмодернистов, свидетельствующие о шизофреническом бреде их авторов. Вот, например, как Бодрийар пишет о войне между Ираном и Ираком в Персидском заливе в 1991 г.: «Самое удивительное – то, что две гипотезы: апокалипсис реального времени и чистой войны и победа виртуального над реальным – имеют место в одно и то же время, в одном и том же пространстве-времени, и неумолимо следуют друг за другом. Это свидетельство того, что пространство события стало гиперпространством с многократным преломлением, что *пространство войны окончательно стало неевклидовым*»²¹. А. Сокал и Ж. Брикмон совершенно правильно задаются вопросом: «...А что представляло бы собой евклидово пространство войны? И, наконец, следует подчеркнуть, что понятие “гиперпространство с многократным преломлением” не существует ни в математике, ни в физике; это словосочетание – бодрийаровское – чистая выдумка»²². От себя можем добавить, что все рассуждения Бодрийара носят шизофренический (интровертный) характер, ибо война – это человеческие жертвы, людские страдания, уничтожение материальных и духовных ценностей, и нельзя ее сводить к евклидовой или неевклидовой геометрии.

IX

²⁰ Делёз, Ж. *Различие и повторение*. – М.; СПб., 1998. – С. 208.

²¹ Цит. по: Сокал, А., Брикмон, Ж. *Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна*. – М., 2002. – С. 124.

²² Сокал, А., Брикмон, Ж. *Указ. соч.* – С. 124–125.

Современная философия переживает глубокий кризис (впрочем, все гуманитарные дисциплины переживают такой кризис). В ней доминирует постмодернизм, отвергающий классические философские традиции, поиск истины, субъектно-объектные отношения, сводящий все к релятивизму и ревизующий все прежние ценности. Сама история философии представляется как нечто воображаемое, оторванное от исторической действительности. Вот что пишет тот же Ж. Делёз: «В реальной книге надлежит так рассказать о философии прошлого, как будто это книга – воображаемая и мнимая... Изложения истории философии должны представлять собой некое замедление, застывание и остановку текста: не только текста, с которым они соотносятся, но также текста, в который они включаются. Так что у них двойное существование, в идеальном двойнике – чистое повторение старого и современного текста, *одного в другом*»²³. Вот этот бред предлагается в качестве методологии изучения истории философии.

Но совершенно очевидно, что нельзя изучать произведения философов вне контекста исторической эпохи, когда жили и творили авторы философских трудов. Нельзя строить новые философские теории без опоры на достижения своих предшественников, живших в реальном, а не в воображаемом мире.

Х

Сегодня философия нуждается в **защите**. Ее надо защищать от шизофреников, от тех, кто ее превращает в пустой дискурс и лишает реального содержания. Общество всегда нуждалось в философии, так как она исполняет важные мировоззренческую и методологическую функции. Без мировоззрения в наш рациональный и жестокий век люди потеряют ориентиры жизни. Без философской методологии наука перестанет быть совокупностью теоретически оформленных знаний и идей, так как только философия формирует научную культуру мышления.

Будем надеяться, что философия избавится от шизофрении и снова займет свое почетное место в системе научного знания.

²³ Делёз, Ж. Указ. соч. – С. 12.